

Первоисточники: Повесть временных лет. Галицко-Волынская летопись (сборник)

Автор:

[Борис Акунин](#)

Первоисточники: Повесть временных лет. Галицко-Волынская летопись (сборник)

Борис Акунин

Библиотека проекта Б. Акунина «История Российского государства»

Библиотека проекта «История Российского Государства» – это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники мировой литературы, в которых отражена биография нашей страны, от самых ее истоков. «Повесть временных лет», древнейший из дошедших до нас летописных сводов, занимает особое место в истории русского самосознания. Это важнейшее свидетельство, в котором отразились представления книжников начала XII в. о возникновении Руси как государства и происхождении правящей династии. В «Галицко-Волынской летописи» описания битв и «остросюжетных» политических интриг переплетаются с частными семейными делами, сообщениями о беспокойной жажде деятельности во славу отечества. В центре повествования стоит фигура великого князя Даниила Романовича Галицкого, – одновременно эпический и романтический образ незаурядного правителя и дипломата...

Первоисточники: Повесть временных лет. Галицко-Волынская летопись (сборник)

Повесть временных лет

Перевод с древнерусского, подготовка текста и предисловие – О. В. Творогов

Галицко-Волынская летопись

Перевод с древнерусского, подготовка текста и предисловие – О. П. Лихачева

© В. Akunin, 2014

© О. В. Творогов, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

* * *

Повесть временных лет

«Повесть временных лет» занимает в истории русского общественного самосознания и истории русской литературы особое место. Это не только древнейший из дошедших до нас летописных сводов, повествующий о возникновении Русского государства и первых веках его истории, но одновременно и важнейший памятник историографии, в котором отразились представления древнерусских книжников начала XII в. о месте русичей среди других славянских народов, представления о возникновении Руси как государства и происхождении правящей династии, в котором с необычайной ясностью освещены, как бы сказали сегодня, основные направления внешней и внутренней политики. «Повесть временных лет» свидетельствует о высоко развитом в то время национальном самосознании: Русская земля осмысляет себя как могущественное государство со своей самостоятельной политикой, готовое при необходимости вступить в единоборство даже с могущественной Византийской империей, тесно связанное политическими интересами и родственными отношениями правителей не только с сопредельными странами – Венгрией, Польшей, Чехией, но и с Германией, и даже с Францией, Данией, Швецией. Русь осмысливает себя как православное государство, уже с первых лет своей христианской истории освященное особой божественной благодатью: оно по праву гордится своими святыми покровителями – князьями Борисом и

Глебом, своими святынями – монастырями и храмами, своими духовными наставниками – богословами и проповедниками, известнейшим из которых, безусловно, являлся в XI в. митрополит Иларион. Гарантией целостности и военного могущества Руси должно было являться владычество в ней единой княжеской династии – Рюриковичей. Поэтому напоминания, что все князья – братья по крови, – постоянный мотив «Повести временных лет», ибо на практике Русь сотрясают междоусобицы и брат не раз поднимает руку на брата. Еще одна тема настойчиво обсуждается летописцем: половецкая опасность. Половецкие ханы – иногда союзники и сваты русских князей, чаще всего все же выступали как предводители опустошительных набегов, они осаждали и сжигали города, истребляли жителей, уводили вереницы пленных. «Повесть временных лет» вводит своих читателей в самую гущу этих актуальных для того времени политических, военных, идеологических проблем. Но кроме того, по словам Д. С. Лихачева, «Повесть» являлась «не просто собранием фактов русской истории и не просто историко-публицистическим сочинением, связанным с насущными, но преходящими задачами русской действительности, а цельной литературно изложенной (курсив наш, – О. Т.) историей Руси» (Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 169). Можно с полным основанием рассматривать «Повесть временных лет» как памятник литературы, донесший до нас и записи устных исторических преданий, и монастырские рассказы о подвижниках, и представивший саму историю как повествование, рассчитанное на то, чтобы остаться не только в памяти читателей, но и в их сердце, побудить их к размышлениям и поступкам, направленным на благо государства и народа.

«Повесть временных лет» дошла до нас лишь в поздних списках, старшие из которых отдалены от времени ее создания на два с половиной – три столетия. Но сложность ее изучения не только в этом. Сама «Повесть временных лет» – лишь один из этапов истории отечественного летописания, истории, реконструкция которой представляет чрезвычайно сложную задачу.

Наиболее авторитетной по сей день остается гипотеза академика А. А. Шахматова, дополненная и уточненная его последователями (прежде всего – М. Д. Приселковым и Д. С. Лихачевым). Согласно их представлениям, «Повести временных лет» предшествовали другие летописные своды. А. А. Шахматов предполагал, что у истоков летописания находился Древнейший летописный свод конца 30-х гг. XI в., Д. С. Лихачев полагает, что первым этапом осмысления отечественной истории киевскими книжниками было создание «Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси» (названия обоих памятников даны исследователями). В 70-х гг. XI в. создается летописный свод

Никона, в 1093–1095 гг. – так называемый Начальный свод. В начале XII в. (в 1113 г.?) монах Киево-Печерского монастыря Нестор создает «Повесть временных лет», существенно переработав предшествующий ей Начальный свод. Он предпослал рассказу об истории Руси обширное историко-географическое введение, изложив свои взгляды на происхождение славян и на место русичей среди других славянских народов; он описал территорию Руси, быт и нравы населявших ее племен. Помимо летописных источников Нестор использовал переводную византийскую хронику – Хронику Георгия Амартола, в которой излагалась всемирная история от сотворения мира и до середины X в. Нестор включил в «Повесть временных лет» тексты договоров Руси с Византией, добавил к содержащимся уже в летописях его предшественников историческим преданиям новые: о сожжении Ольгой древлянского города Искоростеня, о победе юноши-кожемяки над печенежским богатырем, об осаде печенегами Белгорода. Нестор продолжил повествование Начального свода описанием событий конца XI – начала XII в. Именно под его пером «Повесть временных лет» превратилась в стройное, подчиненное единой концепции и литературно совершенное произведение о первых веках русской истории.

Нестор-летописец. В. М. Васнецов

А. А. Шахматов считал, что текст Нестора до нас дошел не в своем первоначальном виде: в 1116 г. «Повесть временных лет» была переработана монахом Выдубицкого монастыря Сильвестром (переработке подверглась, по А. А. Шахматову, лишь заключительная часть «Повести»). Так возникла вторая редакция «Повести временных лет», известная нам по Лаврентьевской летописи 1377 г., Радзивилловской летописи и Московско-Академической летописи (обе XV в.), а также по восходящим к ним (точнее – к их протографам) более поздним летописным сводам. В 1118 г. создается еще одна – третья редакция «Повести». Она дошла до нас в составе Ипатьевской летописи, старший список которой датируется первой четвертью XV в.

Однако изложенная выше концепция представляется недостаточно убедительной в той части, которая касается судьбы текста Нестора. Если принять точку зрения Шахматова на существование трех редакций «Повести» и реконструируемый им их состав, окажется трудным объяснить включение в

текст второй редакции значительных фрагментов из третьей и, наряду с этим, сохранение явного дефекта – обрыва на середине текста статьи 1110 г., полностью читающейся в той же третьей редакции; требует объяснения и совпадение ряда исправных чтений Радзивилловской и Ипатьевской летописей при неверных или сокращенных чтениях в Лаврентьевской и т. д. Все эти проблемы требуют еще изучения, и этим в какой-то мере было подсказано решение положить в основу издания не Лаврентьевский, а именно Ипатьевский список «Повести временных лет».

Таким образом текст издается по Ипатьевскому списку Ипатьевской летописи, хранящемуся в Библиотеке РАН (шифр 16.4.4). Описки и пропуски исправляются в основном по списку той же летописи – Хлебниковскому XVI в. (хранится в РНБ, шифр F.I? .230), который, восходя с Ипатьевским к общему оригиналу, часто содержит более правильные чтения. В необходимых случаях для исправления привлекаются и списки так называемой второй редакции «Повести» – Лаврентьевский (РНБ, шифр F. п. № 2) и Радзивилловский (Библиотека РАН, шифр 34.5.30).

Повесть о минувших годах черноризца Феодосьева монастыря Печерского, откуда пошла Русская земля <...> кто в ней стал первым княжить, и откуда возникла Русская земля

Так начнем же повесть эту.

После потопа трое сыновей Ноя разделили землю: Сим, Хам, Иафет. И достался восток Симу: Персия, Бактрия, даже и до Индии в долготу, а в ширину до Ринокорура, то есть от востока и до юга, и Сирия, и Мидия до реки Евфрат, и Вавилон, Кордуна, ассирияне, Месопотамия, Аравия Старейшая, Елмаис, Индия, Аравия Сильная, Кулия, Коммагена, вся Финикия.

Хаму же достался юг: Египет, Эфиопия, соседящая с Индией, и другая Эфиопия, из которой вытекает река эфиопская Красная, текущая на восток, Фивы, Ливия, соседящая с Киринией, Мармария, Сирты, другая Ливия, Нумидия, Масурия, Мавритания, находящаяся напротив Гадира. На востоке же находятся Киликия, Памфилия, Писидия, Мисия, Ликаония, Фригия, Камалия, Ликия, Кария, Лидия, другая Мисия, Троада, Эолида, Вифиния, Старая Фригия. Туда же относятся и

острова некие: Сардиния, Крит, Кипр, и река Геона, называемая Нил.

Иафету же достались северные страны и западные: Мидия, Албания, Армения Малая и Великая, Каппадокия, Пафлагония, Галатия, Колхида, Боспор, меоты, дереви, сарматы, тавриане, Скифия, фракийцы, Македония, Далмация, молоссы, Фессалия, Локрида, Пеления, именуемая также Пелопоннес, Аркадия, Эпир, Иллирия, славяне, Лухития, Адриакия, Адриатическое море. Достались и острова: Британия, Сицилия, Эвбея, Родос, Хиос, Лесбос, Кифера, Закинф, Кефалония, Итака, Корфу, часть Азии, называемая Иония, и река Тигр, текущая между Мидией и Вавилоном; до Понтийского моря, на север, Дунай, Днестр, и Кавкасийские горы, то есть Венгерские, и оттуда, скажем, до самого Днепра, и прочие реки: Десна, Припять, Двина, Волхов, Волга, которая течет на восток в часть Симову. В Иафетовой же части обитает русь, чудь и всякие народы: меря, мурома, весь, мордва, заволочьская чудь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, ливы. Поляки же и пруссы, и чудь сидят близ моря Варяжского. По этому же морю сидят варяги: отсюда к востоку – до пределов Симовых, сидят по тому же морю и к западу – до земли Английской и Волошской.

Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманны, готы, русь, англй, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, фряги и прочие, – они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем Хамовым.

Сим же, и Хам и Иафет, разделив землю и бросив жребий, чтобы не вступать никому в удел брата, жили каждый в своей части. И был единый народ. И когда умножились люди на земле, то замыслили они создать столп до неба в дни Нектана и Фалека. И собрались на месте поля Сенаар строить столп до неба и около него город Вавилон; и строили столп тот сорок лет, и не завершен был. И сошел Господь Бог видеть город и столп, и сказал Господь: «Вот род един и язык един». И смешал Бог народы, и разделил на семьдесят и два народа, и рассеял по всей земле. По смешении же народов Бог ветром великим разрушил столп; и есть остатки его между Ассирией и Вавилоном, и имеют в высоту и в ширину 5433 локтя, и много лет сохраняются эти остатки.

По разрушении же столпа и по разделении народов приняли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама – южные страны. Иафетовы же сыновья приняли запад и северные страны. От этих же семидесяти и двух народов произошел и народ славянский, от племени Иафета – так называемые норикы, которые и есть славяне.

Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. И те славяне разошлись по земле и назвались именами своими от мест, на которых сели. Как придя, сели на реке именем Морава, так назвались морава, а другие назвались чехи. А вот те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских, то поселились среди них, и стали притеснять их. Славяне же другие пришли и сели на Висле и прозвались поляками, а от тех поляков пошли поляне, другие поляки – лютичи, иные – мазовшане, а иные – поморяне.

Также эти же славяне, придя, сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах, а другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, именуемой Полота, от нее и прозвались полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильмень, назывались своим именем и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле и назвались северянами. И так распространился славянский народ, а по его имени и грамота назвалась славянской.

Когда же поляне жили сами по себе на горах этих, тут был путь из Варяг в Греки и из Греков по Днепру, а в верховьях Днепра – волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно дойти даже до Рима, а от Рима можно прийти по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда прийти в Понт море, в которое впадает Днепр река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса течет и идет к северу, и впадает в море Варяжское. Из того же леса течет Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалиское. Поэтому из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы, и на восток пройти в удел Сима, а по Двине – к варягам, а от варягов до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепр впадает в Понтийское море тремя устьями; это море именуемо Русским, – по берегам его учил святой Андрей, брат Петра.

Как говорят, когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и захотел пойти в Рим, и проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром, встав, сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? Так на этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей». И взойдя на горы эти, благословил их и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где

впоследствии будет Киев, и пошел вверх по Днепру. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей – каков их обычай и как моются и хлещутся, и подивился на них. И пошел к варягам, и пришел в Рим, и поведал о том, скольких научил и кого видел, и рассказал им: «Диво видел я в Славянской земле, когда шел сюда. Видел бани деревянные, и натопят их сильно, и разденутся и будут наги, и обольются мытьем, и возьмут веники, и начнут хлестаться, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это постоянно, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то творят не мытье себе, а <...> мученье». Те же, слышав, удивлялись; Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп.

Поляне же жили в те времена сами по себе и управлялись своими родами; ибо и до той братии были уже поляне, и жили они все своими родами на своих местах, и каждый управлялся самостоятельно. И были три брата: а один по имени Кий, а другой – Щек, а третий – Хорив, и сестра их – Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, отчего и названа Хоривицей. И построили город и в честь старшего своего брата дали имя ему Киев. Был вокруг города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были люди те мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне – киевляне и доныне.

Некоторые же, не зная, говорили, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А этот Кий княжил в роде своем, и когда ходил он к цесарю, <какому> – не знаем, но только то знаем, что, как говорят, великих почестей удостоился тогда от цесаря, какого – не знаю, к которому он приходил. Когда же возвращался, пришел он к Дунаю, и облюбывал место, и срубил городок небольшой, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему живущие окрест; так и доныне называют придунайские жители городище то – Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и окончил жизнь свою; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

И после этих братьев стал род их княжить у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины и в верховьях Днепра, их же город – Смоленск; именно там сидят кривичи. От них же происходят и северяне. А на Белом озере сидит весь, а на Ростовском озере – меря, а на Клещине озере сидит

также меря. А по реке Оке – там, где она впадает в Волгу, свой народ – мурома, и черемисы – свой народ, и мордва – свой народ. Вот кто только славянские народы на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем ставшие называться волынянами.

А это другие народы, дающие дань Руси: чудь, весь, меря, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливы, – эти говорят на своих языках, они от колена Иафета и живут в северных странах.

Когда же славянский народ, как мы говорили, жил на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были поселенцами на земле славян. Затем пришли белые угры и заселили землю славянскую, прогнав волохов, и овладели землей славянской. Угры эти появились при цесаре Ираклии, они и воевали с Хосровом, персидским царем. Были в те времена и обры, воевали они с цесарем Ираклием и чуть было его не захватили. Эти обры воевали и против славян и притесняли дулебов – также славян, и творили насилие женщинам дулебским: бывало когда поедет обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, или четырех или пять женщин и везти обрина, и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, а умом горды, и Бог истребил их, вымерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и доньне: «Погибли как обры», – их же не осталось ни рода, ни потомства. После обров пришли печенеги, а затем прошли черные угры мимо Киева, но было это после, уже при Олеге.

С.В. Иванов. «Жильё восточных славян»

Поляне же, жившие сами по себе, как мы уже говорили, были из славянского рода и назвались полянами, и древляне произошли от тех же славян и назвались древляне; радимичи же и вятичи – от рода поляков. Были ведь два брата у поляков – Радим, а другой – Вятко. И пришли и сели: Радим на Сожи, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи. И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне, а

уличи и тиверцы сидели по Бугу и по Днепру и возле Дуная. Было их множество: сидели по Бугу и по Днепру до самого моря, и сохранились города их и донине; и греки называли их «Великая скифь».

Все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, каждое – свои обычаи. Поляне имеют обычай отцов своих тихий и кроткий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, и матерями; и снохи перед свекровями своими и перед деверями великую стыдливость имеют; соблюдают и брачный обычай: не идет жених за невестой, но приводят ее накануне, а на следующий день приносят что за нее дают. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как и все звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах по дорогам, как делают и теперь еще вятичи. Этому же обычаю держались и кривичи и прочие язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе устанавливающие закон.

Говорит Георгий в своем летописце: «Каждый народ имеет либо письменный закон, либо обычай, который люди, не знающие закона, соблюдают как предание отцов. Из них же первые – сирийцы, живущие на краю света, имеют они законом себе обычаи своих отцов: не заниматься любодеянием и прелюбодеянием, не красть, не клеветать или убивать и, особенно, не делать зло. Таков же закон и у бактриан, называемых иначе рахманами или островитянами; эти по заветам прадедов и из благочестия не едят мяса и не пьют вина, не творят блуда и никакого зла не делают, страх имея великий. Иначе – у соседних с ними индийцев: эти – убийцы, сквернотворцы и гневливы сверх всякой меры; а во внутренних областях их страны едят людей, и убивают путешественников, и даже едят как псы. Свой закон и у халдеев и у вавилонян: на матерях жениться, блуд творить с детьми братьев и убивать. И всякое бесстыдство творят, считая его добродетелью, даже если будут далеко от своей страны.

Другой закон у гилий: жены у них пашут, и дома строят, и мужские дела совершают, но и любви предаются сколько хотят, не сдерживаемые вовсе своими мужьями и не стыдятся; есть среди них и храбрые женщины, умелые в

охоте на зверей. Властвуют жены эти над мужьями своими и повелевают ими. В Британии же несколько мужей с одною женою спят, а также многие жены с одним мужем связь имеют и беззаконие как закон отцов совершают, никем не осуждаемые и не сдерживаемые.

Амазонки же не имеют мужей, как скот бессловесный, но единожды в году, близко к весенним дням, выходят из своей земли и сочетаются с окрестных <земель> мужчинами, считая то время как бы неким торжеством и великим праздником. Когда же зачнут от них в чреве, – снова покидают те места. Когда же придет время родить, и если родится мальчик, то убивают его, если же девочка, то вскормят ее и прилежно воспитают».

Так вот и теперь при нас половцы держатся закона отцов своих: кровь проливают и даже хвалятся этим, и едят мертвечину и всякую нечистоту – хомяков и сусликов, и берут в жены своих мачех и невесток, и следуют иным обычаям своих отцов. Мы же, христиане всех стран, где веруют во святую Троицу, в единое крещение и исповедуют единую веру, имеем единый закон, поскольку мы крестились во Христа и во Христа облеклись.

По прошествии времени, после смерти братьев этих, стали притеснять полян древляне и иные окрестные люди. И набрели на них хазары, на сидящих в лесах на горах, и сказали хазары: «Платите нам дань». Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу, и отнесли их хазары к своему князю и к старейшинам своим, и сказали им: «Вот, новую дань нашли». Те же спросили у них: «Откуда?» Они же ответили им: «В лесу на горах над рекою Днепром». Опять спросили те: «А что дали?» Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: «Не на добро дань эта, княже: мы добыли ее оружием, острым только с одной стороны, – саблями, а у этих оружие обоюдоострое – мечи. Им суждено собирать дань и с нас и с иных земель». И сбылось все это, ибо не по своей воле говорили они, но по Божьей воле. Так было и при фараоне, царе египетском, когда привели к нему Моисея и сказали старцы фараоновы: «Этому суждено унижить землю Египетскую»; так и случилось: погибли египтяне от Моисея, а сперва были <евреи> рабами их. Так же и эти: сперва властвовали, а после над ними самими властвуют; так и есть: владеют русские князья хазарами и по нынешний день.

Половцы. Миниатюра из Радзивилловской летописи

В год 6360 (852), индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Поэтому с этой поры начнем и числа положим: от Адама и до потопа 2242 года, а от потопа до Авраама 1082 года, от Авраама до исхода Моисея 430 лет, от исхода Моисея до Давида 601 год, от Давида и от начала царствования Соломона до пленения Иерусалима 448 лет, от пленения до Александра 318 лет, от Александра до рождества Христова 333 года, от Христова рождества до Константина 318 лет, от Константина же до Михаила этого 542 года. От первого года Михайлова до первого года княжения Олега, русского князя, 29 лет, от первого года княжения Олега, с тех пор как он сел в Киеве, до первого года Игорева 31 год, от первого года Игорева до первого года Святославова 33 года, от первого года Святославова до первого года Ярополкова 28 лет; княжил Ярополк 8 лет, Владимир княжил 37 лет, Ярослав княжил 40 лет. Таким образом от смерти Святославовой до смерти Ярославовой 85 лет, от смерти Ярослава до смерти Святополка 60 лет.

Но возвратимся мы к прежнему и расскажем, что произошло в эти годы, как уже начали с первого года царствования Михаила, и расположим по порядку года.

В год 6361 (853). В год 6362 (854). В год 6363 (855). В год 6364 (856). В год 6365 (857).

В год 6366 (858). Цесарь Михаил отправился с воинами на болгар по берегу и морем. Болгары же, увидев, не смогли противостоят им, попросили крестить их и обещали покориться грекам. Цесарь же крестил князя их и всех бояр и заключил мир с болгарями.

В год 6367 (859). Варяги, приходя из-за моря, взимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и с веси, и с кривичей. А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма.

В год 6368 (860). В год 6369 (861).

В год 6370 (862). И изгнали варягов за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них

усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали: «Поищем сами себе князя, который бы владел нами и рядил по ряду и по закону». Пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные – норманны и англы, а еще иные готы – вот так и эти. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли прежде всего к славянам. И поставили город Ладогу. И сел старший, Рюрик, в Ладоге, а другой – Синеус, – на Белом озере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик и пришел к Ильменю, и поставил город над Волховом, и назвал его Новгород, и сел тут княжить, и стал раздавать мужам своим волости и города ставить – тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах – находники, а коренные жители в Новгороде – славяне, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Белоозере – весь, в Муроме – мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик.

Великий князь Рюрик. Царский титулярник 1672 г.

И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: «Чей это городок?» Те же ответили: «Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили город этот и сгинули, а мы тут сидим, родичи их, и платим дань хазарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде.

В год 6371 (863). В год 6372 (864).

В год 6373 (865). В год 6374 (866). Пошли Аскольд и Дир на греков и пришли к ним в четырнадцатый год царствования Михаила. Цесарь же был в это время в походе на агарян, дошел уже до Черной реки, когда епарх прислал ему весть, что Русь идет на Царьград, и возвратился цесарь. Эти же вошли внутрь Суда, множество христиан убили и осадили Царьград двумястами кораблей. Цесарь же с трудом вошел в город и всю ночь молился с патриархом Фотием в церкви

святой Богородицы Влахернской, и вынесли они с пением божественную ризу святой Богородицы и погрузили в реку. Была в это время тишина и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и встали огромные волны, и разметало корабли безбожной Руси, и прибило их к берегу, и переломало, так что немногим из них удалось спастись от этой беды и вернуться домой.

В год 6375 (867).

В год 6376 (868). Начал царствовать Василий.

В год 6377 (869). Крещена была вся земля Болгарская.

Крепость Любеч времен борьбы с половцами. Реконструкция археологов

В год 6378 (870). В год 6379 (871). В год 6380 (872). В год 6381 (873). В год 6382 (874). В год 6383 (875). В год 6384 (876). В год 6385 (877). В год 6386 (878).

В год 6387 (879). Умер Рюрик и передал княжение свое Олегу – родичу своему, отдав ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень молод.

В год 6388 (880). В год 6389 (881).

В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов своих: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и овладел городом Смоленском и посадил в нем своего мужа. Оттуда отправился вниз, и придя, взял Любеч, и также посадил мужа своего. И пришли к горам киевским, и увидел Олег, что княжат тут Аскольд и Дир, спрятав он воинов в ладьях, а других оставил позади, а сам приступил, неся отрока Игоря. И подошел к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де «мы купцы, идем в Греки от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим». Когда же Аскольд и Дир пришли, выскочили все из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», и вынесли Игоря: «А это сын Рюрика». И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли <Аскольда>

на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Ольма поставил церковь святого Николая; а Динова могила – за церковью святой Ирины. И сел Олег княжить в Киеве, и сказал Олег: «Да будет это мать городам русским». И были у него славяне и варяги, и прочие, прозванные русью. Тот Олег начал ставить города и установил дани славянам, и кривичам, и мери, и установил варягам давать дань от Новгорода по триста гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава.

В год 6391 (883). Начал Олег воевать с древлянами и, покорив их, начал брать дань с них по черной кунице.

В год 6392 (884). Пошел Олег на северян, и победил северян, и возложил на них легкую дань, и не велел им платить дань хазарам, сказав: «Я враг их, и вам <им платить> незачем».

Олег показывает маленького Игоря Аскольду и Диру. Миниатюра из Радзивилловской летописи (XV век)

В год 6393 (885). Послал Олег к радимичам, спрашивая: «Кому даете дань?» Они же ответили: «Хазарам». И дали Олегу по щелягу, как и хазарам давали. И обладал Олег древлянами, полянами, радимичами, а с уличами и тиверцами воевал.

В год 6394 (886).

В год 6395 (887). Царствовал Леон, сын Василя, который прозывался Львом, и брат его Александр, и царствовали двадцать шесть лет.

В год 6396 (888). В год 6397 (889). В год 6398 (890). В год 6399 (891). В год 6400 (892). В год 6401 (893). В год 6402 (894). В год 6403 (895). В год 6404 (896). В год 6405 (897).

В год 6406 (898). Шли угры мимо Киева горою, которая прозывается теперь Угорской, и пришли к Днепру, стали вежами: ходили они так же, как теперь половцы. И, придя с востока, устремились через великие горы, которые называются Угорскими, и стали воевать с жившими там. Сидели ведь тут прежде славяне, а затем землю Волынскую захватили волохи. А после угры прогнали волохов, унаследовали ту землю и поселились вместе со славянами, покорив их себе; и с тех пор прозвалась земля Угорской. И стали угры воевать с греками и попленили землю Фракийскую и Македонскую до самой Селуни. И стали воевать с моравами и чехами. Был един народ славянский: славяне, сидевшие по Дунаю и покоренные уграми, и моравы, и чехи, и поляки, и поляне, которые теперь зовутся русь. Для них ведь, моравов, первых переведены книги, которые и названы славянской грамотой; эта же грамота и у русских, и у болгар дунайских.

Смерть Аскольда и Дира. Гравюра, 1839 г. Ф.А. Бруни

Когда славяне жили уже крещеными, князья их Ростислав, Святополк и Коцел послали к цесарю Михаилу, говоря: «Земля наша крещена, но нет у нас учителя, который бы нас наставил и поучал нас и объяснял святыя книги. Ведь не знаем мы ни греческого языка, ни латинского; одни учат нас так, а другие иначе, потому что не знаем мы ни начертания букв, ни их значения. И пошлите нам учителей, которые бы могли нам истолковать слова книжные и смысл их». Услышав это, цесарь Михаил созвал всех философов и передал им все сказанное славянскими князьями. И сказали философы: «В Селуни есть муж, именем Лев. И есть у него сыновья, знающие славянский язык; оба сына у него искусные философы». Услышав об этом, цесарь послал за ними ко Льву в Селунь, со словами: «Пошли к нам без промедления своих сыновей Мефодия и Константина». Услышав об этом, Лев вскоре же послал их, и пришли они к цесарю, и сказал он им: «Вот, прислала ко мне славянская земля, прося себе учителя, который мог бы им истолковать священные книги, ибо этого они хотят». И уговорил их цесарь и послал их в славянскую землю к Ростиславу, Святополку и Коцелу. Когда же они <Константин и Мефодий> пришли, то начали составлять славянскую азбуку и перевели Апостол и Евангелие. И рады были славяне, что услышали они о величии Божиим на своем языке. Затем перевели Псалтырь и Октоих и другие книги. Некие же стали хулить славянские книги, говоря, что «ни одному народу не следует иметь свою азбуку, кроме евреев, греков и латинян,

согласно надписи Пилата, который на кресте Господнем написал <только на этих языках>». Услышав об этом, папа римский осудил тех, кто хулит славянские книги, сказав так: «Да исполнится слово Писания: “Пусть восхвалят Бога все народы”, и другое: “Пусть все восхвалят своими языками величие Божие, поскольку Дух Святой дал им говорить”. Если же кто бранит славянскую грамоту, да будет отлучен от церкви, пока не исправится; это волки, а не овцы, их следует узнавать по поступкам их и беречься их. Вы же, чада, послушайте божественного учения и не отвергните церковного поучения, которое дал вам наставник ваш Мефодий». Константин же вернулся назад и отправился учить болгарский народ, а Мефодий остался в Моравии. Затем князь Коцел поставил Мефодия епископом в Паннонии на месте святого апостола Андроника, одного из семидесяти, ученика святого апостола Павла. Мефодий же посадил двух попов, хороших скорописцев, и перевел все книги полностью с греческого языка на славянский за шесть месяцев, начав в марте, а закончив в 26 день октября месяца. Закончив же, воздал достойную хвалу и славу Богу, давшему такую благодать епископу Мефодию, преемнику Андроника; поэтому учитель славянскому народу – апостол Андроник. К морavam же ходил и апостол Павел и учил там; там же находится и Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне. Поэтому учитель славян – Павел, из тех же славян – и мы, русь; поэтому и нам, руси, учитель апостол Павел, так как учил славянский народ и поставил по себе у славян епископом и наместником Андроника. А славянский народ и русский един. От варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской. Полянами же прозваны были потому, что сидели в поле, а язык им был общий – славянский.

Кирилл и Мефодий с учениками. Фреска монастыря «Святой Наум», находящегося у Охридского озера на Балканах

В год 6407 (899). В год 6408 (900). В год 6409 (901).

В год 6410 (902). Леон-цесарь нанял угров против болгар. Угры же, напав, попленили всю землю Болгарскую. Симеон же, узнав об этом, пошел на угров, а угры двинулись против него и победили болгар, так что Симеон едва убежал в Доростол.

В год 6411 (903). Когда Игорь вырос, то сопровождал Олега, и слушал его, и привели ему жену из Пскова, именем Ольгу.

В год 6412 (904). В год 6413 (905). В год 6414 (906).

В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и полян, и северян, и древлян, и радимичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли «Великая скифь». И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом две тысячи. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и приказал воинам вытащить корабли на берег, и разорил окрестности города, и много перебил греков, и множество палат разрушили и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла причинили русские грекам, как обычно поступают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И когда поднялся попутный ветер, подняли они в поле паруса и двинулись к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали, послав к Олегу: «Не губи города, согласимся на дань, какую захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас Богом». И потребовал Олег выплатить дань на две тысячи кораблей: по двенадцать гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей.

Поход Олега в Царьград по реке Днепр. Ф.А. Бруни

И согласились на это греки, и стали греки просить мира, чтобы не разорял Греческой земли. Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими цесарями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида со словами: «Платите мне дань». И сказали греки: «Что хочешь, дадим тебе». И приказал Олег дать воинам своим на две

тысячи кораблей по двенадцати гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и для других городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу.

«Когда приходят русские, пусть берут содержание для послов сколько хотят; а если придут купцы, пусть берут месячное на шесть месяцев: хлеб, вино, мясо, рыбу и плоды. И пусть устраивают им баню – сколько захотят. Когда же русские отправятся домой, пусть берут у цесаря на дорогу еду, якоря, канаты, паруса и что им нужно». И обязались греки, и сказали цесари и все бояре: «Если русские явятся не для торговли, то пусть не берут месячное. Пусть запретит русский князь людям своим, приходящим сюда русским, творить бесчинства в селах и в стране нашей. Приходящие сюда русские пусть живут у церкви святого Мамонта, и пришлют к ним от нашего царства, и перепишут имена их, и тогда возьмут полагающееся им месячное, – сперва те, кто пришли из Киева, затем из Чернигова, и из Переяславля, и из других городов. И пусть входят в город только через одни ворота в сопровождении царского мужа, без оружия, по пятьдесят человек, и торгуют сколько им нужно, не уплачивая никаких сборов».

Цесари же Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и присягали друг другу: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили присягать по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, своим богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам шелковые», и было так. И повесили щиты свои на вратах в знак победы, и пошел от Царьграда. И подняла русь паруса из паволок, а славяне шелковые, и разодрал их ветер. И сказали славяне: «Возьмем свои толстины, не даны, знать, славянам паруса шелковые». И вернулся Олег в Киев, неся золото и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

В год 6416 (908). В год 6417 (909). В год 6418 (910).

В год 6419 (911). Явилась на западе большая звезда в виде копья.

В год 6420 (912). Послал Олег мужей своих заключить мир и ряд между греками и русскими, и послал, говоря:

«Согласно другому уряжению, бывшему при тех же цесарях – Льве и Александре. Мы от рода русского – Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид – посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукой его, светлых князей, бояр, к вам, Льву, Александру и Константину, великим в Боге самодержцам, цесарям греческим, для укрепления и для удостоверения многолетней дружбы, бывшей между христианами и русскими, по желанию наших князей и по повелению, от всех находящихся под рукой его русских. Наша светлость, превыше всего желая в Боге укрепить и удостоверить дружбу, существовавшую постоянно между христианами и русскими, рассудили по справедливости, не только на словах, но и на письме, и клятвою твердою, клянясь оружием своим, такую дружбу объявить и утвердить ее по вере и по закону нашему.

Таковы суть главы договора, относительно которых мы себя обязали по Божьей вере и дружбе: первыми словами нашего договора помиримся с вами, греки, и станем любить друг друга от всей души и по всей доброй воле, и не дадим произойти, насколько это в нашей власти, никакому обману или преступлению от сущих под рукою наших светлых князей. Но постараемся, насколько в силах наших, сохранить с вами, греки, в будущие годы и навсегда непревратную и неизменную дружбу, изъявлением и преданием письму с закреплением, клятвой удостоверяемую. Также и вы, греки, соблюдайте такую же непоколебимую и неизменную дружбу к князьям нашим светлым русским и ко всем, кто находится под рукою нашего светлого князя всегда и во все годы.

А о главах, касающихся возможных злодеяний, договоримся так: те злодеяния, которые будут явно удостоверены, пусть считаются бесспорно совершившимися; а каким не станут верить, пусть клянется та сторона, которая домогается, чтобы злодеянию этому не верили; и когда поклянется сторона та, пусть будет такое наказание, каким окажется преступление.

Об этом: если кто убьет, – русский христианина, или христианин русского, – да умрет на месте убийства. Если же убийца убежит, а окажется имущим, то ту часть его имущества, которую полагается по закону, пусть возьмет родственник убитого, но и жена убийцы пусть сохранит то, что полагается ей по закону. Если же окажется неимущим бежавший убийца, то пусть останется под судом, пока не разыщется, а тогда да умрет.

Если ударит кто мечом или будет бить каким-либо другим орудием, то за тот удар или битье пусть даст 5 литров серебра по закону русскому; если же совершит этот проступок неимущий, то пусть даст сколько может, так, что пусть снимет с себя и те самые одежды, в которых ходит, а об оставшейся неуплаченной сумме пусть клянется по своей вере, что никто не может помочь ему, и пусть не взыскивается с него этот остаток.

Об этом: если украдет что русский у христианина, или напротив, христианин у русского, и пойман будет вор пострадавшим в то время, когда совершает кражу, либо если приготовится вор красть и будет убит, то не взыщется смерть его ни от христиан, ни от русских; но пусть пострадавший возьмет то свое, что потерял. Если же добровольно отдастся вор, то пусть будет взят тем, у кого он крал, и пусть будет связан, и отдаст то, что украл, в тройном размере.

Об этом: если кто из русских христианину или христианин русскому с побоями угрожает, и насилие явно, или отнимет что-либо, принадлежащее другому, то пусть вернет в тройном размере.

Если выкинута будет ладья сильным ветром на чужую землю и будет там кто-нибудь из нас, русских, и станет помогать сохранить ладью с грузом ее и отправить ее вновь в христианскую землю, то следует нам проводить ее через всякое опасное место, пока не придет в место безопасное; если же ладья эта бурей или на мель сев задержана и не может возвратиться в свои места, то поможем гребцам той ладьи мы, русские, и проводим их с товарами их поздорову. Если же случится около Греческой земли такая беда с русской ладьей, то проводим ее в Русскую землю и пусть продают товары той ладьи, так что если можно что продать из той ладьи, то пусть вынесем <на греческий берег> мы, русские. И когда приходим <мы, русские> в Греческую землю для торговли или посольством к вашему царю, то <мы, греки> пропустим с честью проданные товары их ладьи. Если же случится кому-либо из прибывших с ладью быть убиту или избитому от нас, русских, или что-нибудь будет взято, то пусть будут виновники присуждены теми к вышесказанному наказанию.

Если пленник той или иной стороны насильно удерживается русскими или греками, будучи продан в их страну, и если действительно окажется русский или грек, то пусть выкупят и возвратят выкупленное лицо в его страну и возьмут цену его купившие, или пусть будет предложена за него цена, полагающаяся за челядина. Также, если и на войне взят будет он теми греками, – все равно пусть возвратится он в свою страну, и отдана будет за него обычная цена его, как уже

сказано выше.

Если же будет набор в войско и когда нужда возникнет, и эти <русские> захотят почтить вашего цесаря, и сколько бы ни пришло их в какое время, и захотят остаться у вашего цесаря по своей воле, то пусть так будет.

Еще о русских, о пленниках. Явившиеся из какой-либо страны <пленные христиане> на Русь и продаваемые <русскими> назад в Грецию, или пленные христиане, приведенные на Русь из какой-либо страны, – все эти должны продаваться по 20 золотников и возвращаться в Греческую землю.

Об этом: если украден будет челядин русский, либо убежит, либо насильно будет продан и жаловаться станут русские, пусть докажут это о своем челядине и возьмут его на Русь, но и купцы, если потеряют челядина и обжалуют, пусть требуют судом и, когда найдут, – возьмут его. Если же кто-либо не позволит произвести дознание, – тем самым не будет признан правым.

О русских, служащих в Греческой земле у греческого царя. Если кто умрет, не распорядившись своим имуществом, а своих <в Греции> у него не будет, то пусть возвратится имущество его на Русь ближайшим младшим родственникам. Если же сделает завещание, то возьмет завещанное ему тот, кому завещал письменно наследовать его имущество, и да наследует его.

О русских торгующих.

О различных людях, ходящих в Греческую землю и остающихся в долгу. Если злодей не возвратится на Русь, то пусть жалуются русские греческому царству, и будет он схвачен и возвращен насильно на Русь. То же самое пусть сделают и русские грекам, если случится такое же.

В знак крепости и неизменности, которая должна быть между вами, христианами, и русскими, мирный договор этот сотворили мы Ивановым написанием на двух хартиях – цесаря вашего и своею рукою, – скрепили его клятвою предлежащим честным крестом и святою единосущною Троицею единого истинного Бога вашего и дали нашим послам. Мы же клялись цесарю вашему, поставленному от Бога, как божественное создание, по закону и по обычаю нашим, не нарушать нам и никому из страны нашей ни одной из установленных глав мирного договора и дружбы. И это написание дали царям

вашим на утверждение, чтобы договор этот стал основой утверждения и удостоверения существующего между нами мира. Месяца сентября 2, индикта 15, в год от сотворения мира 6420».

Цесарь же Леон почтил русских послов дарами – золотом и шелками, и драгоценными тканями – и приставил к ним своих мужей показать им церковную красоту, золотые палаты и хранящиеся в них богатства: множество золота, паволоки, драгоценные камни и страсти Господни – венец, гвозди, багряницу и мощи святых, уча их вере своей и показывая им истинную веру. И так отпустил их в свою землю с великой честью. Послы же, посланные Олегом, вернулись к нему и поведали ему все речи обоих царей, как заключили мир и урядились Греческая земля и Русская не преступать клятвы – ни грекам, ни руси.

И жил Олег, мир имея со всеми странами, княжа в Киеве. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого прежде поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо спрашивал он когда-то волхвов и кудесников: «От чего я умру?» И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездешь, – от него тебе и умереть!» Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не пользуясь им, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, – на пятый год помянул он своего коня, от которого тогда волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Неверно говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И наступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемую Щековица; есть же могила его и доныне, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три.

Олег у костей коня. В.М. Васнецов

Кончина Олега. Ф.А. Бруни

Это не удивительно, что от волхвования сбывается чародейство. Так было и в царствование Домициана: тогда был известен некий волхв именем Аполлоний Тианский, который ходил и творил всюду бесовские чудеса – в городах и селах. Однажды, когда из Рима пришел он в Византию, упросили его живущие там сделать следующее: он изгнал из города множество змей и скорпионов, чтобы не было от них вреда людям, и ярость конскую обуздал на глазах у бояр. Так и в Антиохию пришел, и упрошенный людьми теми – антиохиянами, страдавшими от скорпионов и комаров, сделал медного скорпиона и зарыл его в землю, и поставил над ним небольшой мраморный столп, и повелел взять людям палки и ходить по городу и покрикивать, потрясая теми палками: «Быть городу без комара!» И так исчезли из города комары и скорпионы. И спросили его еще об угрожавшем городу землетрясении, и, вздохнув, написал он на дощечке следующее: «Увы тебе, несчастный город, много ты потрясешься, и огнем будешь популен, оплачет тебя <тот, кто будет> на берегу Оронта». Об < Аполлонии > этом и великий Анастасий из Божьего града сказал: «Чудеса, сотворенные Аполлонием, даже и до сих пор на некоторых местах исполняются: одни – для отогнания четвероногих животных и птиц, которые могли бы вредить людям, другие же для удержания речных струй, вырвавшихся из берегов, но иные и на погибель и в ущерб людям, хотя и на обуздание их. Не только ведь при жизни его так делали бесы, такие чудеса, но и по смерти, находясь у гроба его, творили чудеса его именем, чтобы обольщать несчастных людей, часто уловляемых на них дьяволом». Итак, кто что скажет о творящих волшебным искушением дела? Вот ведь, искусен был Аполлоний на волшебное обольщение и никогда не считался с тем, что в безумстве предался мудрому ухищрению; а следовало бы ему сказать: «Словом только творю я то, что хотел», и не совершать действий ожидаемых от него. То все попущением Божиим и творением бесовским случается, – всеми подобными делами испытывается наша православная вера, что тверда она и крепка, пребывая подле Господа и не увлекаема дьяволом, его призрачными чудесами и сатанинскими делами, творимыми врагами рода человеческого и слугами зла. Другое же, когда некоторые именем Господа пророчествуют, как Валаам, и Саул, и Каиафа, и даже бесов изгоняют, как Иуда и сыны Скевавели. Потому что и на недостойных многократно действует благодать, как многие свидетельствуют: ибо Валаам всего был чужд – и праведного жития и веры, но тем не менее явилась в нем благодать для убеждения других. И Фараон такой же был, но и ему было

раскрыто будущее. И Навуходоносор был законопреступен, но и ему также было открыто будущее многих поколений, тем свидетельствуя, что многие, имеющие превратные понятия, еще до пришествия Христа творят знамения не по собственной воле на прельщение людей, не знающих доброго, каков был и Симон волхв, и Менандр, и другие такие же, из-за которых и было справедливо сказано: «Не чудесами прельщать...»

В год 6421 (913). После Олега стал княжить Игорь. В это же время стал царствовать Константин, сын Леона и зять Романа. И затворились от Игоря древляне после смерти Олега.

В год 6422 (914). Пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше Олеговой. В тот же год пришел Симеон Болгарский на Царьград и, заключив мир, вернулся восвояси.

В год 6423 (915). Сначала пришли печенеги на Русскую землю и, заключив мир с Игорем, пошли к Дунаю. В те же времена пришел Симеон, поплняя Фракию; греки же послали за печенегами. Когда же печенеги пришли и собрались уже выступить на Симеона, греческие воеводы рассорились. Печенеги, увидев, что они сами между собою ссорятся, ушли восвояси, а болгары сразились с греками, и перебиты были греки. Симеон же захватил город Адрианов, который первоначально назывался городом Ореста – сына Агамемнона, ибо Орест когда-то купался в трех реках и избавился тут от своей болезни – оттого и назвал город своим именем. Впоследствии же его обновил кесарь Адриан и назвал в свое имя Адрианом, мы же зовем его Адрианом-градом.

Великий князь Игорь. Царский титулярник 1672 г.

Князь Игорь собирает дань с древлян. К.В. Лебедев

В год 6424 (916). В год 6425 (917). В год 6426 (918). В год 6427 (919).

В год 6428 (920). У греков поставлен цесарем Роман. Игорь же воевал против печенегов.

В год 6429 (921). В год 6430 (922). В год 6431 (923). В год 6432 (924). В год 6433 (925). В год 6434 (926). В год 6435 (927). В год 6436 (928).

В год 6437 (929). Пришел Симеон на Царьград, и попленил Фракию и Македонию, и подошел к Царьграду в великой силе и гордости, и сотворил мир с Романом-цесарем, и возвратился восвояси.

В год 6438 (930). В год 6439 (931). В год 6440 (932). В год 6441 (933).

В год 6442 (934). Впервые пришли на Царьград угры и попленили всю Фракию. Роман заключил мир с уграми.

В год 6443 (935). В год 6444 (936). В год 6445 (937). В год 6446 (938). В год 6447 (939). В год 6448 (940).

В год 6449 (941). Пошел Игорь на греков. И послали болгары весть царю, что идут русские на Царьград: десять тысяч кораблей. И пришли, и подплыли, и стали разорять страну Вифинскую, и попленили землю по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли. А кого захватили – одних распинали, в других же, как цель их ставя, стрелами стреляли, заламывая назад руки, связывали и вбивали железные гвозди в головы. Много же и святых церквей предали огню и по обоим берегам Суда захватили немало богатств. Когда же пришли с востока воины – Панфир-демestik с сорока тысячами, Фока-патрикий с македонянами, Федор-стратилат с фракийцами, с ними же и сановитые бояре, то окружили русь. Русские же, посовещавшись, вышли против греков с оружием, и в жестоком сражении едва одолели греки. Русские же к вечеру возвратились к дружине своей и ночью, сев в ладьи, отплыли. Феофан же встретил их в ладьях с огнем и стал трубами пускать огонь на ладьи русских. И было видно страшное чудо. Русичи же, видя пламя, бросались в воду морскую, стремясь спастись, и так оставшиеся возвратились восвояси. И, придя в землю свою, поведали – каждый своим – о происшедшем и о ладейном огне. «Будто молнию небесную, – говорили они, – имеют у себя греки, и пуская ее, пожгли нас; оттого и не одолели их». Игорь же, вернувшись, начал собирать множество воинов и послал за море к варягам, приглашая их на греков, снова собираясь идти на них.

Действие греческого огня при осаждении Константинополя Игорем. Ф.А. Бруни

В год 6450 (942). Симеон ходил на хорватов, и победили его хорваты, и умер, оставив Петра, своего сына, князем над болгарами. В том же году родился Святослав у Игоря.

В год 6451 (943). Вновь пришли угры на Царьград и, сотворив мир с Романом, возвратились восвояси.

В год 6452 (944). Игорь собрал воинов многих: варягов, и русь, полян, и славян, и кривичей, и тиверцев, и нанял печенегов, и заложников у них взял, и пошел на греков в ладьях и на конях, желая отомстить за себя. Услышав об этом, корсунцы послали к Роману со словами: «Вот идут русские, покрыли море корабли». Также и болгары послали весть, говоря: «Идут русские и наняли себе печенегов». Услышав об этом, цесарь прислал к Игорю лучших бояр с мольбою, говоря: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани». Также и к печенегам послал паволоки и много золота. Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину, и стал с нею держать совет, и поведал ей речь цесареву. Сказала же дружина Игорева: «Если так говорит цесарь, то чего нам еще нужно, – не бившись, взять золото, и серебро, и паволоки? Разве знает кто – кто одолеет: мы ли, они ли? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть». И послушал их Игорь и повелел печенегам воевать Болгарскую землю, а сам, взяв у греков золото и паволоки на всех воинов, возвратился назад и пришел к Киеву восвояси.

В год 6453 (945). Прислали Роман, и Константин, и Стефан послов к Игорю восстановить прежний мир. Игорь же говорил с ними о мире. И послал Игорь мужей своих к Роману. Роман же созвал бояр и сановников. И привели русских послов и велели им говорить и записывать речи тех и других на хартию:

«Согласно другому уряжению, заключенному при цесарях Романе, Константине и Стефане, христолюбивых владыках. Мы – от рода русского послы и купцы, Ивор, посол Игоря, великого князя русского, и общие послы: Вуефаст от Святослава,

сына Игоря, Искусеви от княгини Ольги, Слуды от Игоря, племянник Игорев, Улеб от Володислава, Каницар от Предславы, Шихберн Сфандр от жены Улеба, Прастен Туродов, Либиар Фастов, Грим Сфирьков, Прастен Акун, племянник Игорев, Кары Тудков, Каршев Туродов, Егри Евлисков, Воист Войков, Истр Аминдов, Ятвяг Гунарев, Шибрид Алдан, Кол Клеков, Стегги Етонов, Сфирка..., Алвад Гудов, Фудри Тулбов; Мутор Утин, купцы Адунь, Адолб, Ангивлад, Улеб, Фрутан, Гомол, Куци, Емиг, Турьбрид, Фурьстен, Бруны, Роальд, Гунастр, Фрастен, Ингелд, Турберн и другой Турберн, Улеб, Турбен, Моны, Руальд, Свень, Стир, Алдан, Тилий, Апубкарь, Свень, Вузелев, Синько бирич, посланные от Игоря, великого князя русского, и от всех князей, и от всех людей Русской земли. И ими поручено возобновить старый мир, нарушенный уже много лет ненавидящим добро и враждолюбцем дьяволом, и утвердить любовь между греками и русскими.

Великий князь наш Игорь и бояре его, и люди все русские послали нас к Роману и Стефану, и Константину, к великим цесарям греческим заключить мир с самими цесарями, со всем боярством и со всеми людьми греческими на все годы, пока солнце сияет и весь мир стоит.

Кто от страны Русской замыслит разрушить эту любовь, то пусть те из них, которые приняли крещение, получают возмездие от Бога вседержителя, осуждение на погибель в загробной жизни, а те из них, которые не крещены, да не имеют помощи и от Бога, и от Перуна, да не защитятся они собственными щитами, и да погибнут они от мечей своих, от стрел и от иного своего оружия, и да будут рабами в этой и в загробной жизни.

Великий князь русский и бояре его пусть посылают в Греческую землю к великим цесарям греческим сколько хотят кораблей с послами своими и с купцами, как это установлено для них. Раньше приносили послы золотые печати, а купцы серебряные. Ныне же стал князь ваш посылать грамоту в царство наше; те послы и гости, которые будут посылаться им, пусть приносят грамоту, написав в ней, что «послал столько-то кораблей», чтобы из этих грамот мы узнали, что пришли они с мирными целями. Если же придут без грамоты и окажутся в руках наших, то мы будем содержать их под надзором, пока не возвестим князю вашему. Если же не дадутся нам и сопротивятся, то убьем их, и пусть не взыщется смерть их от князя вашего. Если же, убежав, вернуться в Русь, то напишем мы князю вашему, и пусть делают, что хотят. Если же русские придут не для торговли, то пусть не берут месячины. Пусть накажет князь своим послам и приходящим сюда русским, чтобы не творили бесчинств в селах и в

стране нашей. И, когда придут, пусть живут у церкви святого Мамонта, и тогда пошлем мы, цесари, чтобы переписали имена ваши, и пусть возьмут месячину – послы посольскую, а купцы месячину, сперва те, кто от города Киева, затем из Чернигова и из Переяславля и из прочих городов. Да входят они в город через одни только ворота в сопровождении царева мужа без оружия, человек по 50, и торгуют сколько им нужно, и выходят назад; муж же наш царский да охраняет их, так что если кто из русских или греков сотворит неправо, то пусть рассудит то дело. Когда же русские входят в город, то пусть не творят вреда и не имеют права покупать паволоки дороже, чем по 50 золотников; и если кто купит тех паволок, то пусть показывает цареву мужу, а тот наложит печати и даст им. И те русские, которые отправляются отсюда, пусть берут от нас все необходимое: пищу на дорогу и что необходимо ладьям, как это было установлено раньше, и да возвращаются в безопасности в страну свою, и да не имеют права зимовать у святого Мамонта.

Торг в стране восточных славян. С.В. Иванов

Если убежит челядин у русских, то пусть придут за ним в страну царства нашего, и если окажется у святого Мамонта, то пусть возьмут его; если же не найдется, то пусть клянутся наши русские христиане, а нехристиане по закону своему, и пусть тогда возьмут от нас цену свою, как установлено было прежде, – по 2 паволоки за челядина.

Если же кто из челядинов наших царских или города нашего, или иных городов убежит к вам и захватит с собой что-нибудь, то пусть опять вернут его; а если то, что он принес, будет все цело, то возьмут от него два золотника за поимку.

Если же кто покусится из русских взять что-либо у наших царских людей, то тот, кто сделает это, пусть будет сурово наказан; если уже возьмет, пусть заплатит вдвойне; и если сделает то же грек русскому, да получит тоже наказание, какое получил и тот.

Если же случится украсть что-нибудь русскому у греков или греку у русских, то следует возвратить не только украденное, но и цену украденного; если же

окажется, что украденное уже продано, да вернет цену его вдвойне и будет наказан по закону греческому, и по уставу греческому и по закону русскому.

Сколько бы пленников христиан наших подданных ни привели русские, то за юношу или девицу добрую пусть наши дадут 10 золотников и берут их, если же среднего возраста, то пусть дадут им 8 золотников и возьмут его; если же будет старик или ребенок, то пусть дадут за него 5 золотников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/boris-akunin/pervoistochniki-povest-vremennyh-let-galicko-volynskaya-letopis-sbornik>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)